

Карцев, сын Жванецкого

Курочка. — 1993. — 10 дек. — с. 12.

Еще недавно на эстраде гремел дуэт Ильченко — Карцев. А точнее, трио, потому что рядом с замечательными "смехаками" на сцене всегда незримо присутствовал третий — писатель Михаил Жванецкий. Но смерть, как известно, не щадит никого, в том числе и талантливых. Сейчас Роман Карцев выступает один. Премьеру своего нового спектакля "Моя Одесса" он покажет 14, 15 и 16 декабря в Концертном зале Олимпийской деревни.

— Роман Андреевич, что значит Одесса в вашей жизни?

— Как что? Это родина. Это земля, где я родился, рос. Я до сих пор считаю себя одесситом!

— Можно ли сказать, что одессит — особая национальность?

— Думаю, это собирательный образ, впитавший в себя украинцев, румын, гагаузов, русских, немцев, евреев... Такая вот удивительная смесь, о которой еще Куприн писал в "Гамбриусе". Она, мне кажется, и дала мощный взрыв талантов в самых разных областях жизни. Одессит — это определенная тональность языка, его музыкальность. Одесский язык, как китайский: интонация определяет смысл фразы. Если произносить одесский название моего спектакля, оно прозвучит как "Моя Одесса". Ударение обязательно на первое слово: дескать, Одесса моя, а все остальное ваше.

— Одесский юмор тоже своеобразен...

— Особинка тут, конечно, есть: одесский юмор не нарочит, он в крови. И постоянно видоизменяется, ведь одесская община давно распространилась по всему свету — от Дерибасовской до Брайтон-бич, от Австралии до Израиля.

— Да и сама Одесса для вас, живущего в Москве, уже заграница?

— Об этом и пойдет речь в новом спектакле. Он немного грустным выходит: говорить-то приходится и об эмиграции, и о политике. Вообще Михаил Жванецкий и я пришли к выводу, что везде плохо. Как говорится, где лучше? Где нас нет. Но основная тема спектакля, который поставил Марк Розовский, а оформил Олег Шейндис, — все-таки одесский юмор, сегодняшний и вчерашний. Соответственно, произведения Жванецкого то-

же взяты и новые, и уже известные.

— Вас со Жванецким ведь тоже познакомила Одесса?

— Да, там был студенческий театр миниатюр "Парнас-2", тогда это считалось модным. Жванецкий не только писал, но и как артист выступал, ну и мы тоже с Витей Ильченко. К сожалению, Виктор уже от нас ушел, и мне очень трудно без него. Он был не коренным одесситом, но настолько впитал одесский юмор, что любого "коренного" мог заткнуть за пояс. Долго мы трое так и держались вместе — в театре у Райкина, в Одессе, Москве. А сейчас у нас свой Московский театр миниатюр, снова "на троих" — Клару Новикову, Мишу и меня.

— Что вас объединяет со Жванецким?

— Во-первых, национальность. Во-вторых, общая любовь к жанру миниатюр, такому трудному и замечательному. И еще, что главное, — свой взгляд на жизнь, литературу, искусство, политику. А по характеру мы совершенно разные, хотя, наверное, это тоже объединяет. Знаете, какие у нас троих прозвища были? Сухой, Малой и Писатель. Миша, например, любит поздно ложиться, как все писатели, он — Сова. Я, наоборот, люблю раньше лечь, раньше встать. У Миши настроение каждые пять минут меняется, он легко поддается на хорошие дела, но и вспылить легко может. Хотя часто именно он оказывается прав в каких-то глубинных, философских вещах. Он у нас как отец: шестьдесят лет в марте отметит. Что касается меня, я очень постоянный человек, потому, видно, и работаем вместе уже тридцать лет.

— Ваши собраты жалуются, что шутить нынче стало труднее. А как по-вашему?

— Мы всегда занимались не шутками, а серьезным делом. Тем, кто только шутил, сейчас действительно трудно: приходится высмеивать ваучеры или там "сникерсы". Мы тоже, конечно, изменились, отказались от прежних "скулодробительных" вещей. Но основная черта осталась — умение посмеяться над собой. Удивительный наш народ, который столько лет над собой смеется! А если и встречаются люди без чувства юмора, так либо это фашист, либо "большой" политик. Что с них взять...

Татьяна ИСКАНЦЕВА.